

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 661-668.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.661
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Process of Introducing the Russian Military-Administrative System in Chechnya and Dagestan in the late 1830s – early 1840s

Zaira R. Usmanova ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Within the framework of this study, the process of the introduction of the Russian military-administrative system in Chechnya and Dagestan in the late 1830s – early 1840s was examined. The purpose of the presented work is to identify key trends in the development of the military-administrative policy of the Russian leadership in the specified region. The research methodology is built through a combination of structural, comparative and descriptive analysis. The source base of the work includes materials from the fund of the Caucasian Committee, stored in the Russian State Historical Archive, and sources of personal origin, reflecting the experience and opinions of representatives of the Separate Caucasian Corps.

The author comes to the conclusion that the Russian leadership in the period under review was implementing the strategy of the phased expansion of the military-administrative apparatus, designed to ensure in the long term the full integration of the region into the structure of the national control system. At the regional and interregional levels, institutions developed to tighten the control of the military and civilian apparatus over the life of local communities. At the local level, the authorities were forced to preserve the traditional system of government for the region due to their interest in supporting the aristocracy and discontent of the population with attempts to expand the imperial administrative apparatus. The political leadership of the empire regarded this compulsory measure and, in the future, hoped to completely eliminate the independence of the feudal possessions.

The program for the development of the military-administrative system of the region did not lead to the achievement of the set goals. Failures in the course of its implementation were largely due to the lack of an adequate understanding of the real practice of the work of the controlling bodies in the localities and the reluctance of local officials to adapt the usual management methods to the North Caucasian customs and mentality.

At the local level, the military-administrative policy of the Russian authorities made it possible to maintain stability in most of the fiefdoms and guaranteed the loyalty of the aristocrats who ruled them. At the same time, the used management model preserved a conflict of interests between local rulers and the leadership of the Russian military and civilian apparatus, which was pursuing the goal of eliminating the independence of quasi-state formations in Chechnya and Dagestan.

These problems led to the deterioration of the position of Russian troops in the region in the first half of the 1840s. However, to a large extent, the identified difficulties in the course of the military-administrative reforms were inevitable, since the reforms assumed either the destruction or a significant weakening of the traditional institutions of public authority.

Keywords: Caucasian war, Imam Shamil, military-administrative policy, Chechnya, Dagestan.

1. Введение

Тема военно-административной политики российских властей в отношении Чечни и Дагестана в период Кавказской войны традиционно обладает высокой степенью актуальности. Данное

* Corresponding author

E-mail addresses: zrusmanova@fa.ru (Z.R. Usmanova)

обстоятельство обуславливается как высокой степенью мифологизации соответствующих событий в нарративных источниках и исторической публицистике (влияющих, в том числе, и на представителей экспертного сообщества), так и наличием прямой взаимосвязи между административной политикой российского руководства и ходом боевых действий. Именно качество управления, наряду с курсом на замещение традиционных форм организации публичной власти, служило одним из главных факторов мотивации как широких масс местного населения, так и региональных элит в отношении поддержки и российского руководства, и имамата.

В особенности большое значение имеет военно-административный контекст в оценке событий 1840–1845 гг. – наиболее сложного для российского командования периода Кавказской войны. Понесенные в эти годы поражения вынудили официальный Санкт-Петербург кардинальным образом изменить стратегию покорения Кавказа.

В отсутствие комплексной оценки военно-административной политики в отношении региона в период, непосредственно предшествовавший провозглашению Шамиля имамом Чечни в марте 1840 г., и в первые годы его пребывания в ставке в Дарго, не представляется возможным полноценно оценить мотивацию и поведение конфликтующих сторон. При этом существование лакун в научной картине соответствующих событий формирует «окно возможностей» для непрофессиональных исследователей либо политических или религиозных радикалов с точки зрения компенсации пробелов в информации за счет домыслов или фальсификаций.

Целью данной работы является выделение ключевых тенденций в развитии военно-административной политики российского руководства в Чечне и Дагестане в конце 1830-х – начале 1840-х гг.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы данного исследования сформировали документы фонда Кавказского комитета (Российский государственный исторический архив) и материалы личного происхождения, созданные участниками описываемых событий со стороны российской системы управления (Ермолов, 2014; Зиссерман, 1879).

Методология исследования выстроена за счет комбинации дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Применение структурного анализа позволило выстроить объяснительную модель для описания системы военно-административного управления регионом. Обращение к сравнительному анализу дало возможность выделить специфику практики управления отдельными территориями. Дескриптивный анализ использовался для выстраивания системы фактов в единый нарратив в соответствии с заявленной исследовательской целью.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема получила достаточно широкое освещение, однако большинство исследований носили не вполне объективный характер, поскольку зачастую содержали четко выраженную апологию одной из сторон (Берже, 1859; Гизетти, 1896; Дубровин, 1871; Ковалевский, 1915; Потто, 1887; Фадеев, 1860).

В советский период тема получила развитие за счет ввода в научный оборот большого количества ранее не использовавшихся исследователями источников и репрезентации «памяти побежденных». В то же время на качество изучения темы негативным образом отразились необходимость для авторов следовать положениям официальной идеологии и в целом широкое влияние политической конъюнктуры (Бушуев, 1939; Магомедов, 1939; Ортабаев, Тотоев, 1988; Покровский, 1924; Смирнов, 1963; Фадеев, 1955).

В современный период сложились благоприятные условия для ревизии сформированных ранее объяснительных моделей на основе деполитизации темы. Однако негативное влияние на общественную повестку событий середины 1990-х – начала 2000-х гг., наряду с коммерциализацией науки, распространением фольк-хистори и популяризацией различных экстремистских идеологий, в значительной степени заблокировали возможность реализовать соответствующий позитивный потенциал. Объективному изучению заявленного вопроса препятствует и практика рассмотрения событий Кавказской войны сквозь призму травмирующего опыта последних десятилетий (Гапуров, 2016; Гордин, 2000; Дегоев, 2001; Мальцев, 2012; Муханов, 2007; Халилов, 1998; Шатохина, 2000).

Также необходимо отметить, что в большинстве исследований авторы концентрируют внимание на ходе боевых действий, религиозных или социально-экономических корнях конфликта, в силу чего военно-административная сфера рассматривается по остаточному принципу.

В итоге мы можем заключить, что для степени изученности заявленной темы характерны лакунарность и фрагментарность, сочетающиеся с негативными последствиями влияния политической конъюнктуры и социального заказа.

4. Результаты

Политика официального Санкт-Петербурга в рамках выстраивания военно-административной системы в Чечне и Дагестане складывалась в первую очередь с учетом позиции основных акторов

местного уровня (за исключением представителей наместника и наибов Шамиля) – лидеров «вольных обществ» и бекской знати. В рамках противостояния между силами имама и российскими войсками первые чаще всего принимали сторону Шамиля, в то время как представители знати традиционно демонстрировали высокую степень лояльности императору. Характерным примером в данном случае могут служить данные относительно источников комплектования контингентов, принимавших участие в сражении при а. Карата 7–8 августа 1839 г.: к частям генерала К.К. Фезе примкнул отряд из 1200 вооруженных горцев под командованием Ахмет-хана Мехтулинского, в то время как силы Шамиля состояли преимущественно из членов местных «вольных обществ» (*Покоренный Кавказ...*, 1904: 377-387; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 4-5).

Руководство империи осознавало, что именно этот институт является одной из главных опор сопротивления завоеванию Северного Кавказа. Однако представители политического истеблишмента также хорошо осознавали, что решить проблему чисто военными средствами даже в среднесрочной перспективе представляется невозможным. Именно по этой причине в декабре 1838 г. император Николай I лично выступил против инициативы командующего Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головина по оперативному подчинению «вольных обществ» накануне экспедиции к ставке Шамиля в крепости Ахульго. Согласно мнению монарха, «вольные сообщества», готовые признать власть российского императора, предпочтительнее было расположить на сторону наместника за счет предоставления ряда льгот и привилегий. В частности, предполагалось, что для них временно будет предоставлена возможность сохранить прежнюю систему внутреннего управления. Также монарх предписывал наместнику отказаться от внедрения управленческих практик, противоречащих местным законам и обычаям, и не взимать с населения дань или налоги, за исключением сборов, уплачиваемых членами «вольных обществ» ранее (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 5-6; Фадеев, 1860: 72).

Заинтересованность в поддержке со стороны кавказской знати также способствовала гибкости политического курса Санкт-Петербурга в плане организации местной администрации. Успехи властей в борьбе против Гази-Мухаммада Гимринского, Гамзат-бека и Шамиля в значительной степени были обусловлены поддержкой со стороны дагестанских ханов. В частности, особую активность в рамках поддержки борьбы российских войск с мюридами проявили лидеры Тарковского, Мехтулинского, Кюринского и Казикумухского ханств. Зачастую им удавалось срывать планы имамов даже в отсутствие прямой поддержки российских войск. Так, в феврале 1839 г. отряды шамхала Тарковского и хана Мехтулинского самостоятельно пресекли попытки войск Шамиля установить контроль над территорией компактного проживания аварцев (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 8; Дубровин, 1871: 412).

Последнее автоматически обуславливало временный отказ российских чиновников от ликвидации местного аппарата управления, существовавшего в традиционных для данной местности формах. Помимо того, на позицию российских властей влияли и иные обстоятельства. С одной стороны, военные и гражданские администраторы помнили о негативном опыте попытки упразднения ханств в период пребывания на посту наместника А.П. Ермолова. С другой стороны, чиновники учитывали наличие радикального расхождения интересов представителей высшей знати и имамов, с самого начала возникновения мюридизма как социально-политического явления выступавших против местной аристократии (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 47; Гизетти, 1896: 391).

Однако власти не воспринимали лояльность местной знати как абсолютную, что стало причиной создания достаточно сложной системы контроля над представителями кавказских элит, сохранявших права на управление своими родовыми владениями.

Во-первых, представители императорской власти стремились контролировать процесс наследования титулов и владений северокавказских аристократов. При этом они активно использовали противоречия внутри аристократических семейств и между соперничающими родами. Отдельно необходимо отметить, что контроль в данном случае не носил безусловного и всеобъемлющего характера (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 98. Л. 1; Ортабаев, Тотоев, 1988: 81).

В качестве примера комплексного характера процесса принятия решения о наследовании владений можно привести эпизоды, связанные с передачей прав на Казикумухское и Кюринское ханства (управлявшиеся на тот момент одной династией) в 1838–1839 гг.

Хан Магомет-Мирза (сын Аслан-хана Казикумухского) не оставил прямых наследников мужского пола. Управление Кюринским ханством на тот момент формально находилось в руках прапорщика Гарун-бека – сына Аслан-хана Казикумухского, не имевшего прав на наследство отца в силу низкого происхождения своей матери. Заинтересованность Гарун-бека в сохранении своего поста и поддержке российских властей некоторое время стабилизировала ситуацию, однако с течением времени противостояние между наследниками Магомет-Мирзы едва не вылилось в открытый вооруженный конфликт (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 3-4).

С одной стороны, на ханский престол претендовала Умми-Гюльсун-Бике – жена Аслан-хана Казикумухского (от лица внучки Шамай-бике), с другой – дядя покойного хана. Наместник Е.А. Головин отстаивал идею передачи ханского титула подполковнику Даниял-беку – главе Илсуйского султаната и племяннику Аслан-хана по материнской линии. В соответствии с этими планами султанат должен был присоединиться к Джаробелоканской области, а Гарун-бек (как наиб Кюринского ханства) перейти под контроль окружного приставства. Однако эти планы были

выстроены без учета настроений и интересов местного населения, и в первую очередь знати (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 45).

Дядя Магомет-Мирзы пытался спровоцировать в ханстве восстание за счет распространения слухов о скором внедрении прямого управления российских чиновников на территории ханства. Одновременно Умми-Гюльсун-Бике, намеревавшаяся отстаивать свои права на ханскую власть, сформировала вооруженный отряд из 300 человек. В итоге в ханстве действительно начались волнения, но большая часть их участников выразила поддержку супруге умершего хана. В итоге Даниял-бек выразил готовность возглавить Кюринское ханство, но лишь при соблюдении двух условий. Во-первых, оно должно быть передано его семье в наследственное владение. Во-вторых, илисуйский султан нуждался в одобрении решения о передаче власти со стороны Умми-Гюльсун-Бике. Фактически речь шла о вежливом отказе в ответ на предложение Е.А. Головина (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 47).

Интересно отметить, что командир Отдельного Кавказского корпуса также активно продвигал проект по передаче власти над ханствами гвардейскому офицеру, семья которого прежде управляла упраздненным Куткашенским султанатом, и даже предлагал вновь ввести его в соответствующее достоинство. В итоге эта инициатива Е.А. Головина не нашла поддержки в Санкт-Петербурге. На фоне растущего недовольства жителей двух ханств (связанного с распространением слухов о скором переходе к прямому управлению регионом российской администрацией) и укрепления позиций Умми-Гюльсун-Бике было решено передать супруге Аслан-хана власть над Казикумухским ханством, а Кюринское оставить под управлением Гарун-бека. При этом, однако, за их деятельностью был поставлен следить в качестве неофициального «пристава» офицер Нижегородского драгунского полка – уроженец Кавказа, хорошо владеющий местными языками и знакомый с традициями дагестанских народов (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 50).

Таким образом, российские власти вмешивались в процесс передачи власти и владений по наследству, однако степень их влияния в значительной мере зависела от обстоятельств в каждом конкретном случае.

Во-вторых, при возможности руководители российской администрации использовали тактику «культурной ассимиляции» северокавказских элит, отчасти сочетающуюся с приемами, в которых местным населением угадывались признаки взятия заложников среди представителей знати (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 255. Л. 23; Зиссерман, 1879: 189).

Так, после смерти в декабре 1838 г. Айбат-бике – вдовы владетеля Аваристана Нуцал-хана, единственным наследником престола стал ее сын Нуцал, которому на тот момент было всего 5 лет. В итоге было принято решение отправить будущего хана в Александровский кадетский корпус для малолетних сирот в Царском Селе, после чего его планировалось направить в Пажеский корпус. Таким образом, предполагалось, что Нуцал будет полностью инкорпорирован в элиту империи и получит соответствующее воспитание, что ослабит его связи с местной знатью. И в то же время его пребывание вдали от Дагестана должно было обеспечить лояльность родственников, заинтересованных в возвращении будущего правителя на родину (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 258. Л. 39).

Соответственно, на локальном уровне в рассматриваемый период политическое руководство империи предпочитало сдерживать процесс вытеснения традиционных институтов и форм управления. Причины этого заключались в заинтересованности официального Петербурга в поддержке со стороны местной знати, которая одновременно выступала и в качестве гаранта поддержания стабильности на местном уровне, и в роли высокомотивированного противника имамата Шамиля, способного своими силами противодействовать экспансии мюридизма. Равным образом местная аристократия являлась (в силу разнонаправленности интересов) «естественным противником» для «вольных обществ», члены которых активным образом противодействовали завоеванию Чечни и Дагестана и потому выступали в качестве главного источника пополнения сил гавата.

Сохранение в локальных границах традиционных форм управления не препятствовало активному внедрению новых институтов территориальной организации и военно-административного управления на региональном и межрегиональном уровнях.

После взятия ставки Шамиля в ауле Ахульго в августе 1839 г. генерал-лейтенантом П.Х. Граббе был разработан проект «Положения об управлении мирными племенами».

Новая система управления предусматривала расширение и систематизацию функционирования института приставств на Северном Кавказе. Этот институт начал внедряться в систему управления регионом с 1800 г. Приставы выступали в качестве связующего звена между руководством гражданского и военного аппарата управления и общинами в лице старейшин. На них одновременно были возложены и контрольные, и фискальные функции. Последнее постоянно выступало в качестве фактора, подпитывающего недовольство местного населения. Жалованье приставов выплачивалось за счет податей, уплачиваемых местными жителями. При этом руководство Кавказской линии последовательно отстаивало тезис о том, что авторитет пристава напрямую коррелируется с размером его жалованья, что стимулировало рост налогового бремени. Ситуацию усугубляло то, что административные реформы неизменно сопровождались увеличением числа

приставств и, как следствие, ростом затрат на содержание чиновников. Последние, как правило, были плохо знакомы с местными обычаями и добивались строгого выполнения всех требований высшего руководства даже при условии, что этому препятствовали объективные обстоятельства. При этом чаще всего приставы игнорировали обязанности, связанные с разъяснением местному населению смысла тех или иных преобразований. Источником проблем служило и то, что зачастую система территориального деления приставств не совпадала с границами компактного проживания конкретных этносов. В результате представители одного народа могли оказаться в составе двух разных приставств с весьма отличающимися моделями управления (специфика которых напрямую зависела от личности конкретного администратора). Например, сунженские и брагунские чеченцы относились к зоне юрисдикции главного кумыкского приставства, а терские были приписаны к лезгинскому (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 261. Л. 32).

Согласно проекту «Положения об управлении мирными племенами», вся территория Чечни и Дагестана была разделена на 3 главных приставства – чеченское, кумыкское и лезгинское. Все они находились в подчинении у начальника Левого фланга Кавказской линии. Впоследствии в проект были внесены изменения: число приставств сократили до двух – кумыкского и лезгинского. При этом в структуру главных приставств должны были входить частные (локальные) органы власти того же характера. Приставы рекрутировались из числа военных чиновников, зарекомендовавших себя в качестве благонадежных (что зачастую подразумевало отсутствие авторитета среди местного населения). Император Николай I настаивал на том, что создание приставств не должно сопровождаться увеличением податного бремени местного населения, а чиновники должны в рамках своей деятельности ориентироваться на местные обычаи и нравы. Однако в рамках реализации реформы указания монарха фактически были проигнорированы (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 26. Л. 32-33, 49).

Расширение географических рамок, охватывающих зону действия института приставств, и увеличение числа последних закономерно вызвали рост фискального бремени населения Чечни и Дагестана, что способствовало росту недовольства. Особенно остро создание приставств восприняли жители равнинной части Чечни. Приставы уделяли особое внимание пресечению торговли хлебом между формально признававшими российское подданство аулами и «горными чеченцами» – ичкеринцами, шатоевцами и пшехоевцами, следствием чего стало возникновение угрозы голода в нагорной части Чечни. Обострению ситуации способствовала практика уничтожения посевов «немирных аулов» в ходе рекогносцировок российских войск (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 263. Л. 14).

В итоге внедрение новых форм управления превратилось в фактор, спровоцировавший массовые антироссийские выступления в Чечне и Дагестане. Роль повода («спускового крючка») в данном случае сыграло изменение формата дани на оружие. Ранее она взималась в денежной форме, однако в 1840 г. было принято решение собирать ее в натуральной форме – в виде оружия. Эта мера закономерно вызвала резкое неприятие со стороны местных жителей. С одной стороны, они обоснованно рассматривали этот шаг как направленный на разоружение северокавказского населения с целью обеспечить большую степень контроля над регионом. С другой стороны, российские чиновники не учли специфику местной культуры, в рамках которой личному оружию придавалось большое символическое значение. Как итог, в марте 1840 г. в Чечне и Дагестане поднялось восстание, позволившее Шамилю компенсировать понесенные ранее потери и укрепиться в ауле Дарго (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 267. Л. 68).

Помимо того, в рассматриваемый период были предприняты попытки преобразовать систему административно-территориального деления региона, охваченного движением мюридов.

В конце 1842 г. в Санкт-Петербурге был утвержден проект создания Дагестанской области, разработанный Е.А. Головиным. Данное территориальное образование было сформировано с целью организации управления Северным Дагестаном, районом Темир-Хан-Шуры, Аварским, Кюринским и Казикумухским ханствами, а также ради налаживания контроля над перемещением войск на этой территории. Главой области был назначен командующий 19-й пехотной дивизией генерал-майор П.Я. Реннекамф. Необходимость создания новой военно-административной единицы обуславливалась тем, что, находясь в Тифлисе, командующий Отдельным Кавказским корпусом был лишен возможности оперативно принимать решения, касающиеся ситуации в Чечне и Дагестане: временной лаг между получением сигнала и отправкой обратной связи достигал слишком больших значений, в результате чего отданные распоряжения утрачивали актуальность к моменту получения в войсках. Впоследствии, однако, Дагестанская область была ликвидирована, а затем вновь воссоздана в начале 1860-х гг. (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 267. Л. 62).

Таким образом, мы можем заключить, что практика внедрения новых институтов территориальной организации и военно-административного управления на региональном и межрегиональном уровнях в обозначенный период не способствовала росту управляемости региона, а, напротив, провоцировала крупномасштабные антироссийские выступления или, в лучшем случае, не приносила ощутимого позитивного эффекта.

5. Заключение

В целом мы должны признать, что в рассматриваемый период политическое руководство Российской империи реализовывало стратегию постепенного расширения военно-административного аппарата, рассчитанную на достижение в долгосрочной перспективе полной интеграции Чечни и Дагестана в общегосударственную систему управления. С одной стороны, на региональном и межрегиональном уровнях укреплялись институты, призванные обеспечить прямой контроль военного и гражданского аппарата над жизнью местных общин. С другой стороны, на локальном уровне власти вынужденно консервировали традиционную систему управления по причине заинтересованности в поддержке местной знати и недовольства населения попытками ликвидации ханств, султанатов и прочих квазигосударств региона. При этом официальный Санкт-Петербург расценивал эту политику лишь как вынужденную меру – тактическую уступку, которая в перспективе должна послужить решению задачи по ликвидации самостоятельности феодальных владений и их переходу под контроль императорской администрации.

Эффективность военно-административной программы российских властей можно оценить, как крайне низкую. Последнее обуславливалось не столько ошибками в области стратегического целеполагания, сколько отсутствием адекватного представления о реальной практике функционирования контролирующих органов на местах и нежеланием местных чиновников (как военных, так и гражданских) адаптировать методы управления к северокавказским обычаям и менталитету.

На локальном уровне политика российских властей позволяла поддерживать стабильность ситуации в большинстве феодальных владений и обеспечивать лояльность управляющих ими аристократов, что обеспечивало силы Кавказской линии стратегически значимым ресурсом, без которого эффективное противодействие имамату и силам «вольных обществ» превратилось бы в более сложную задачу. Однако используемая модель управления оставляла неразрешенным конфликт интересов местных владетелей и руководства военного и гражданского аппарата, в перспективе ориентированного на ликвидацию самостоятельности квазигосударственных образований.

Можно предположить, что перечисленные проблемы, наряду с прочими факторами, обусловили ухудшение положения российских войск в Чечне и Дагестане в первой половине 1840-х гг. Однако необходимо подчеркнуть, что в значительной степени затруднения, возникшие в ходе реализации программы военно-административных преобразований, носили неизбежный характер. Даже в случае устранения ошибок и злоупотреблений, допущенных чиновниками на региональном и местном уровнях, интеграция региона в общеимперскую систему управления должна была вызвать активное сопротивление со стороны местных политических акторов, поскольку соответствующие преобразования предполагали либо ликвидацию, либо значимое ослабление традиционных институтов организации публичной власти в Чечне и Дагестане.

Литература

- Берже, 1859** – *Берже А.П.* Чечня и Чеченцы. Тифлис, 1859. 140 с.
- Бушуев, 1939** – *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л.: АН СССР, 1939. 183 с.
- Гапуров, 2016** – *Гапуров Ш.А.* Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.). Грозный, 2016. 576 с.
- Гизетти, 1896** – *Гизетти А.Л.* Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896. 598 с.
- Гордин, 2000** – *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. 465 с.
- Дегоев, 2001** – *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. 376 с.
- Дубровин, 1871** – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. 669 с.
- Ермолов, 2014** – *Ермолов А.П.* Кавказские письма 1816–1860 / Сост., коммент. Г.Г. Лисициной, Б.П. Миловидова. СПб., 2014. 830 с.
- Зиссерман, 1879** – *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). В 2-х ч. СПб., 1879. 441 с.
- Ковалевский, 1915** – *Ковалевский П.И.* Кавказ. История завоевания Кавказа. Т. 2. СПб., 1915. 271 с.
- Магомедов, 1939** – *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. 134 с.
- Мальцев, 2012** – *Мальцев В.Н.* Российская власть на Кавказе и наибы Шамиля: отношения и контакты // *Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции.* Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск, 2012. С. 89–97.
- Муханов, 2007** – *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. 428 с.
- Ортабаев, Тотоев, 1988** – *Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В.* Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // *История СССР.* 1988. № 4. С. 78–96.
- Покоренный Кавказ..., 1904** – *Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа.* Кн. 1. СПб., 1904. 663 с.

- Покровский, 1924** – *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. 392 с.
- Потто, 1887–1890** – *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1–5. СПб., 1887–1890.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смирнов, 1963** – *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. 244 с.
- Фадеев, 1955** – *Фадеев А.В.* О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке // *Вопросы истории.* 1955. № 6. С. 67–77.
- Фадеев, 1860** – *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 153 с.
- Халилов, 1998** – *Халилов А.М.* Шамиль и Кавказская война. Махачкала, 1998. 269 с.
- Шатохина, 2000** – *Шатохина Л.В.* Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-е–60-е гг. XIX века. М., 2000. 224 с.

References

- Berzhe, 1859** – *Berzhe, A.P.* (1859). Chechnya i Chechentsy [Chechnya and Chechens]. Tiflis, 140 p. [in Russian]
- Bushuev, 1939** – *Bushuev, S.K.* (1939). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The struggle of the mountaineers for independence under the leadership of Shamil]. M.-L.: AN SSSR, 183 p. [in Russian]
- Degoev, 2001** – *Degoev, V.V.* (2001). Imam Shamil': prorok, vlastitel', voyn [Imam Shamil: prophet, ruler, warrior]. M., 376 p. [in Russian]
- Dubrovin, 1871** – *Dubrovin, N.F.* (1871). Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of the war and domination of the Russians in the Caucasus]. Т. 1. Kn. 1. SPb., 669 p. [in Russian]
- Ermolov, 2014** – *Ermolov, A.P.* (2014). Kavkazskie pis'ma 1816–1860 [Letters from the Caucasus 1816–1860]. Sost., koment. G.G. Lisitsinoi, B.P. Milovidova. SPb., 830 p. [in Russian]
- Fadeev, 1860** – *Fadeev, R.A.* (1860). Shest'desyat let Kavkazskoi voyny [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis, 153 p. [in Russian]
- Fadeev, 1955** – *Fadeev, A.V.* (1955). O vnutrennei sotsial'noi baze myuridistskogo dvizheniya na Kavkaze v XIX veke [On the internal social base of the Muridist movement in the Caucasus in the 19th century]. *Voprosy istorii.* 6: 67–77. [in Russian]
- Gapurov, 2016** – *Gapurov, Sh.A.* (2016). Chechnya v period Kavkazskoi voyny (1818–1859 gg.) [Chechnya during the Caucasian War (1818–1859)]. Groznyi, 576 p. [in Russian]
- Gizetti, 1896** – *Gizetti, A.L.* (1896). Khronika Kavkazskikh voisk [Chronicle of the Caucasian troops]. Tiflis, 598 p. [in Russian]
- Gordin, 2000** – *Gordin, Ya.A.* (2000). Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka [Caucasus: earth and blood. Russia in the Caucasian War of the 19th century]. SPb., 465 p. [in Russian]
- Khalilov, 1998** – *Khalilov, A.M.* (1998). Shamil' i Kavkazskaya voyna [Shamil and the Caucasian War]. Makhachkala, 269 p. [in Russian]
- Kovalevskii, 1915** – *Kovalevskii, P.I.* (1915). Kavkaz. Istoriya zavoevaniya Kavkaza [Caucasus. History of the conquest of the Caucasus]. Т. 2. SPb., 271 p. [in Russian]
- Magomedov, 1939** – *Magomedov, R.M.* (1939). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The struggle of the mountaineers for independence under the leadership of Shamil]. Makhachkala, 134 p. [in Russian]
- Mal'tsev, 2012** – *Mal'tsev, V.N.* (2012). Rossiiskaya vlast' na Kavkaze i naiby Shamilya: otnosheniya i kontakty [Russian power in the Caucasus and Shamil's naibs: relations and contacts]. *Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Severnogo Kavkaza. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pyatigorsk, 18–20 noyabrya 2011 g.* Pyatigorsk. Pp. 89–97. [in Russian]
- Mukhanov, 2007** – *Mukhanov V.M.* Pokoritel' Kavkaza knyaz' A.I. Baryatinskii [The conqueror of the Caucasus, Prince A.I. Baryatinsky]. М., 2007. 428 p. [in Russian]
- Ortabaev, Totoev, 1988** – *Ortabaev, B.Kh., Totoev, F.V.* (1988). Eshche raz o Kavkazskoi voine: o ee sotsial'nykh istokakh i sushchnosti [Once again about the Caucasian war: about its social origins and essence]. *Istoriya SSSR.* 4: 78–96. [in Russian]
- Pokorenniy Kavkaz..., 1904** – *Pokorenniy Kavkaz: Ocherki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza* [The Conquered Caucasus: Essays on the Historical Past and Present Situation of the Caucasus]. Kn. 1. SPb., 1904. 663 p. [in Russian]
- Pokrovskii, 1924** – *Pokrovskii, M.N.* (1924). Diplomatyiya i voyny tsarskoi Rossii v XIX stoletii [Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the 19th Century]. М., 392 p. [in Russian]
- Potto, 1887–1890** – *Potto, V.* (1887–1890). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies]. Т. 1–5. SPb. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Shatokhina, 2000 – *Shatokhina, L.V.* (2000). Politika Rossii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20-e–60-e gg. XIX veka [Russia's policy in the North-West Caucasus in the 20s – 60s. XIX century]. M., 224 p. [in Russian]

Smirnov, 1963 – *Smirnov, N.A.* (1963). Myuridizm na Kavkaze [Muridism in the Caucasus]. M., 244 p. [in Russian]

Zisserman, 1879 – *Zisserman, A.L.* (1879). Dvadsat' pyat' let na Kavkaze (1842–1867) [Twenty-five years in the Caucasus (1842-1867)]. V 2-kh ch. SPb., 441 p. [in Russian]

Процесс внедрения российской военно-административной системы в Чечне и Дагестане в конце 1830-х – начале 1840-х гг.

Заира Романовна Усманова ^{a, *}

Аннотация. В рамках данного исследования изучен процесс внедрения российской военно-административной системы в Чечне и Дагестане в период конца 1830-х – начала 1940-х гг. Цель представленной работы заключается в выявлении ключевых тенденций в развитии военно-административной политики российского руководства в указанном регионе. Методология исследования выстроена за счет сочетания структурного, сравнительного и дескриптивного анализа. Источниковая база работы включает в себя материалы фонда Кавказского комитета, хранящегося в Российском государственном историческом архиве, и источники личного происхождения, отображающие опыт и мнения представителей Отдельного Кавказского корпуса.

Автор приходит к выводу, что российское руководство в рассматриваемый период воплощало в жизнь стратегию поэтапного расширения военно-административного аппарата, призванную обеспечить в долгосрочной перспективе полную интеграцию региона в структуру общегосударственной системы управления. На региональном и межрегиональном уровнях развивались институты, созданные с целью ужесточения контроля военного и гражданского аппарата над жизнью местных общин. На локальном уровне власти вынужденно сохраняли традиционную для региона систему управления в силу заинтересованности в поддержке аристократии и недовольства населения попытками расширения имперского административного аппарата. Политическое руководство империи расценивало это как вынужденную меру и в перспективе рассчитывало полностью ликвидировать самостоятельность феодальных владений.

Программа развития военно-административной системы региона не повлекла за собой достижения поставленных целей. Неудачи в ходе ее реализации были обусловлены по большей части отсутствием адекватного представления о реальной практике работы контролирующих органов на местах и нежеланием местных чиновников адаптировать привычные методы управления к северокавказским обычаям и менталитету.

На местном уровне военно-административная политика российских властей позволяла поддерживать стабильность в большинстве феодальных владений и гарантировала лояльность управляющих ими аристократов. В то же время используемая модель управления консервировала конфликт интересов местных владетелей и руководства российского военного и гражданского аппарата, преследующего цель ликвидации самостоятельности квазигосударственных образований в Чечне и Дагестане.

Указанные проблемы обусловили ухудшение положения российских войск в регионе в первой половине 1840-х гг. Однако в значительной степени обозначенные затруднения в ходе проведения военно-административных преобразований носили неизбежный характер, поскольку реформы предполагали либо уничтожение, либо значимое ослабление традиционных институтов публичной власти.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, военно-административная политика, Чечня, Дагестан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ZRUsmanova@fa.ru (З.Р. Усманова)